

результаты которого изложены в ряде работ, а также на основании определения жанра, композиции, принципов изложения материала и цели создания «Географии», мы пришли к выводу, что варвар *этический* в сознании ученого литератора повсеместно доминирует над варваром *этническим*, особенно это касается специальных этнографических описаний, очень часто используемых в качестве исторического источника.

5. Исторически более достоверными скорее оказываются не целые этнографические описания, подчиненные определенной системе изложения и включенные в определенный этнографический стереотип, а отдельные этнографические замечания и *prolog*, материал, поданный ассоциативным методом, сведения, выпадающие из этнографического стереотипа, построенного по определенной системе, а также сведения, ломающие системный характер изложения. Представляется, что к близким результатам мы придем при анализе сочинений Диодора, а возможно Полибия и Арриана.

И. Е. Суриков

КСЕНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ДИПЛОМАТИИ АЛКВИАДА*

Вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что Алквиад был, пожалуй, наиболее яркой личностью в Афинах, да и во всей Греции конца V в. до н. э., времени Пелопоннесской войны. Судьба этого оригинального, может быть, даже уникального порождения эпохи «софистического просвещения», эпохи, характеризовавшейся нарастающей нестабильностью во всех сферах жизни, выливавшейся, в частности, в интенсивное интеллектуальное брожение, была столь же неповторимой, как и он сам. Карьера Алквиада оказалась молниеносно короткой и ослепительной; подобно метеору пронесся он по политическому небосводу Эллады, оставив у современников впечатление чего-то небывалого. О нем говорили, что он превзошел всех в греческом мире как доблестями, так и пороками; говорили, что двух Алквиадов Греция бы не вынесла... Им восхищались и его ненавидели, причем порой одни и те же люди.

Даже его ранняя гибель не остудила страстей: у Алквиада оставались враги и после смерти. И это несмотря на то, что греки, почти всегда крайне пристрастные к тому или иному ведущему деятелю при его жизни, как правило, ощущали раскаяние позже, когда ничего исправить уже было нельзя¹. С Алквиадом получилось не так. Еще в начале IV в. до н. э., когда вся политическая

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках коллективного проекта «Власть и право в греческом мире: от архаики до эллинизма» (код проекта 00-01-00208а).

¹ Об отношении греков, в частности, афинян, к своим политическим лидерам см.: Knox R. A. "So Mischievous a Beast"? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece & Rome. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 132—161.

обстановка в корне изменилась² и, казалось бы, многочисленные неоднозначные перипетии его бурной деятельности должны были мирно отойти в небытие, виднейшие аттические ораторы — Лисий (речи XIV, XV) и Андокид (речь IV)³ — составляют настоящие гневные филиппики по адресу этого уже покойного афинского лидера, а, кстати заметим, другой выдающийся мастер красноречия — Исократ (речь XVI) — его активно защищает. Посмертная хула, повторим, очень нечастая вещь в греческой истории, гораздо более редкая, нежели посмертная слава. В этом отношении с Алквиадом можно сопоставить разве что его философского alter ego — Сократа, другого “овода”, возмущавшего в то же самое время спокойствие афинян. Сократ, как и Алквиад, в течение довольно значительного времени после своей трагической кончины оставался фигурой спорной. Еще для Эсхина (I.173) он — софист, казненный по заслугам (и это в то время, когда уже были написаны платоновские диалоги, ставшие, по сути, развернутой агиограммой Сократа).

Тот аспект деятельности Алквиада, о котором пойдет речь в данной статье, отнюдь не является в достаточной мере освещенным в исследовательской литературе, хотя в целом об Алквиаде написано не столь уж и мало⁴. Авторы всех перечисленных работ концентрируются в основном на нескольких моментах его биографии. Прежде всего, это, конечно, его полководческая деятельность — и такой акцент, вне сомнения, оправдан, поскольку в сфере военного искусства равных Алквиаду в его далеко не обделенную талантливыми военачальниками эпоху практически не было⁵. Далее, привлекала внимание антиковедов политическая роль Алквиада внутри афинского полиса, в частности, в контексте подготовки феномена младшей тирании, как одного из ее наиболее

---

² Об изменении “политического климата” в Афинах после Пелопоннесской войны см.: *Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy*, 403—386 B. C. Croom Helm, 1986. *Passim*; *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica*. 1985. Vol. 7. P. 9—18; *eadem*. La classe politique à Athènes au IVe siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 67—77.

³ По проблеме атрибуции четвертой речи Андокидова корпуса см.: *Feraboli S. Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // Maia*. 1974. Vol. 26. Fasc. 3. P. 245—246; *Siewert P. Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // Innere und äussere Integration der Altertumswissenschaften*. Halle, 1989. S. 226—232; *Furley W. D. Andokides IV (“Against Alkibiades”): Fact of Fiction? // Hermes*. 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 138—156; *Hefine H. Ps.-Andokides' Rede gegen Alkibiades ([And.]4) und die politische Diskussion nach dem Sturz der “Dreissig” in Athen // Klio*. 1995. Bd. 77. S. 75—104. Автор данной статьи придерживается мнения, согласно которому, автором данной речи, составленной в начале IV в. до н. э., вполне мог действительно быть Андокид.

⁴ Из важнейших общих работ об Алквиаде см.: *Babelon J. Alcibiade, 450—404 avant J.-C.* P., 1935; *Hatzfeld J. Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle*. P., 1940; *Taeger F. Alcibiades*. München, 1943; *Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Lèogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.-C.* P., 1974; *Ellis W. M. Alcibiades*. L.; N. Y., 1989.

⁵ Не забудем о том, что впоследствии римляне — а уж они-то понимали толк в военном деле — по повелению оракула воздвигнуть на форуме статую самого доблестного из греков установили изображение именно Алквиада (*Plut. Num.* 8).

значительных предтеч⁶. Наконец, не могли ускользнуть от внимания биографов многочисленные скандальные эпизоды его жизни. Наше же внимание обращено на другое, а именно на дипломатическую деятельность Алкивиада. Признавая его заслуги в иных областях, обычно упускают из виду факт, кажущийся нам неоспоримым: Алкивиада по достоинству можно назвать крупнейшим дипломатом Греции конца V в. до н. э. На этом поприще он в течение всей своей сознательной жизни осуществлял чрезвычайно интенсивную деятельность.

Прежде чем перейти к анализу конкретных фактов этой деятельности, мы должны оговорить одно немаловажное обстоятельство. Известно, что в Греции классической эпохи дипломатические связи еще практически не были институционализированы. Такая институционализация в какой-то степени началась, пожалуй, не ранее эпохи эллинизма. Что же касается доэллинистического времени, то наиболее далеко продвинулась по этому пути Спарта, где дипломатический персонал, как показывают последние работы М. Э. Курилова⁷, был в довольно значительной мере формализован и дифференцирован, что, безусловно, следует относить на счет беспрецедентного для греческой античности этатизма спартанской полисной государственности. В прочих же полисах дипломатия еще почти всецело зиждилась на личных и фамильных связях ксенического и проксенического характера между аристократами⁸. Дипломатическая активность того или иного лица предполагала наличие таких связей.

Уже происхождение Алкивиада давало ему ряд серьезных задатков для успешного налаживания подобного рода внешних контактов. Он принадлежал к высшему кругу афинской аристократии, представители которой и после клисфеновских реформ, в течение практически всего V в. до н. э., почти безраздельно играли ведущую роль в политической жизни Афин и лишь в конце столетия, в период Пелопоннесской войны, уступили ее “новым политикам”⁹. Кстати, Алкивиад был как раз одним из последних знатных аристократов, игравших реальную роль в классическом афинском полисе.

---

⁶ Такой подход характерен для исследований: *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1968; Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.*

⁷ *Курилов М. Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133—140; он же. Спартанские пифии // Античность, средние века и Новое время. Ниж. Новгород, 1997. С. 35—42; он же. Спартанская дипломатическая практика в VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1999.*

⁸ О роли аристократов во внешней политике греческих полисов см.: *Курбатов А. А. Социальный аспект внешних связей архаических полисов Греции // Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. М., 1992. С. 3—30.*

⁹ *Hatzfeld J. Op. cit. P. 2; MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. Cambridge, Mass., 1969. P. 3; Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. Passim; Bicknel P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. IX; Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 64—65; Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 21; Суриков И. Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 93.*

Родословная Алкивиада — как по мужской, так и по женской линии — в течение долгого времени была объектом острых дискуссий¹⁰, в ходе которых его генеалогическое древо удалось, кажется, восстановить с большой полнотой и точностью. Известно, что род отца Алкивиада возводил свое происхождение к знаменитому гомеровскому герою Аяксу Теламониду, то есть имел саламинские корни; однако название этого рода из нарративной традиции с уверенностью не восстанавливается. В литературе нового времени предлагались различные варианты (Евпатриды, Еврисакиды и др.); уже не столь давно на основе эпиграфических данных, удалось с достаточно большой долей уверенности установить, что интересующий нас род назывался Саламиниями¹¹.

Семья Алкивиада по отцу еще с конца VI в. до н. э. была одной из наиболее влиятельных в Афинах. Для нас, в частности, наиболее интересно то, что она была связана со Спартой узами ксении или проксении (см. ниже). Этот союз, вероятнее всего, был установлен в краткий период стабилизации афино-спартанских отношений ок. 510 г. до н. э. (время изгнания афинского тирана Гиппия спартанским царем Клеоменом I). В период нового ухудшения отношений со Спартой, в 460-х гг., эта проксения, впрочем, была разорвана дедом Алкивиада — Алкивиадом Старшим. По женской же линии, по своей матери Диномахе Алкивиад происходил из знаменитого афинского рода Алкмеонидов (заметим в скобках, что он был родным племянником первой жены Перикла и двоюродным племянником самого великого стратега; очевидно именно по этой причине после гибели в 447 г. до н. э. Клиния, отца Алкивиада, опекуном последнего, оставшегося сиротой в трехлетнем возрасте, стал именно Перикл¹²). Что же касается внешних связей Алкмеонидов, то они еще с архаической эпохи были чрезвычайно интенсивными и разветвленными — наверное, более разветвленными, нежели у какого-либо другого аттического рода. Алкмеониды поддерживали контакты с целым рядом греческих полисов — Дельфами¹³, Сикионом¹⁴, Эретрией¹⁵ (мы упоминаем здесь только те полисы, о связях кото-

¹⁰ Dittenberger W. Die Familie des Alkibiades // Hermes. 1902. Bd. 37. Ht. 1. S. 1—13; Hatzfeld J. Op. cit. P. 5; Taeger F. Op. cit. S. 12; Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 1. P. 1—8.; Raubitschek A. E. Zur attischen Genealogie // RM. 1955. Bd. 98. Ht. 3. S. 258—262; Thompson W. E. The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. Vol. 11. No. 1. P. 27—33; idem. Attic Kinship Terminology // JHS. 1971. Vol. 71. P. 110—113; Bicknell P. J. Op. cit. P. 96—100; Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. P. 63; Stanley P. V. The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. Vol. 27. No. 2. P. 173—181; Ellis W. M. Op. cit. P. 1—9.

¹¹ Ferguson W. S. The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // Hesperia. 1938. Vol. 7. No. 1. P. 1—74.

¹² См.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 24—25.

¹³ Из обширной литературы об алкмеонидо-дельфийских связях см., напр.: La Coste-Messelière P. de. Les Alcmeonides a Delphes // BCH. 1946. Vol. 70. P. 271—288; Prontera P. Gli Alcmeonidi a Delfi: un' ipotesi su Erodoto I,51,3—4 // Revue archéologique. 1981. Fasc. 2. P. 253—258; Camp J. M. Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994. P. 7—12.

¹⁴ Forrest W. G. The First Sacred War // BCH. 1956. Vol. 80. P. 33—52; Alexander J. W. The Marriage of Megacles // CJ. 1959. Vol. 55. No. 3. P. 129—134.

рых с Алкмеонидами можно говорить с безусловной уверенностью). Эти их контакты распространялись и за пределы эллинского мира, прежде всего на Восток (Лидийское царство)¹⁶. О внешних связях Алкмеонидов имеется достаточно обильная информация; они могли бы стать темой отдельной работы. Для нас же в данном случае важно рассмотреть, каким образом и в какой степени использовал Алквиад столь полезное “наследие”, стал ли он достойным преемником дипломатии Алкмеонидов¹⁷.

Алквиад поддерживал связи на личном уровне (и, естественно, использовал их в своей политической деятельности) с рядом городов Пелопоннеса. Следует назвать, в частности, Аргос. Как известно, этот полис занимал особое место в планах Алквиада в начале 410-х гг. до н. э., в промежутке между Никиевым миром и Сицилийской экспедицией. Афино-аргосский союз, который не жалея сил создавал Алквиад (по его инициативе Аргос, находившийся довольно далеко от моря, даже приступил к постройке собственных “длинных стен”), должен был стать мощным противовесом Пелопоннескому союзу в самом Пелопоннесе. Опираясь на силу вновь созданной коалиции, афиняне решились — единственный раз за всё время Пелопоннесской войны! — бросить открытый вызов спартамцам в сухопутном сражении. Эта битва (при Мантинее, 418 г. до н. э.) закончилась, конечно, победой Спарты, но победой далеко не разгромной; сражение шло почти на равных. К тому же поражение почти никак не ухудшило общих позиций Афин, поскольку, заручившись поддержкой Аргоса, они могли чувствовать себя вне непосредственной опасности¹⁸.

Все эти крайне важные для Афин отношения с Аргосом поддерживал лично Алквиад, опираясь на свои ксенические связи в этом пелопоннеском городе. Фукидид (VI.61.3) говорит о “друзьях Алквиада в Аргосе” (οἱ τε ξένοι τοῦ Ἀλκιβιάδου οἱ ἐν Ἀργεῖ). По некоторым сведениям (*Isocr.* XVI.9; *Plut.* Alc. 23), именно в Аргосе, у своих гостеприимцев, Алквиад скрывался первое время после своего заочного осуждения на смерть в Афинах, и лишь потом, когда афинские послы потребовали у аргиев выдать его, вынужден был бежать в Спарту. Впрочем, не исключено, что в данном случае произошло наложение друг на друга историй Алквиада и Фемистокла, которого полувеком ранее афиняне подобным образом пытались вытребовать из Аргоса¹⁹. Во всяком случае, более надежный источник — Фукидид (VI.88.9) — ничего не говорит о

---

¹⁵ Суриков И. Е. Афинянин Мегакл и Эретрия (к интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М., 1999. С. 111—112.

¹⁶ Davies J. K. *Athenian Propertied Families, 600—300 B. C.* Oxford, 1971. P. 384; Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 76—78.

¹⁷ Краткую сводку информации о ксенических контактах Алквиада можно найти в работах: Luppino E. *La laicizzazione della prosenia. Il caso di Alcibiade* // *Contributi dell' Istituto di storia antica* (Milano). 1981. Vol. 7. P. 73—79; Herman G. *Ritualized Friendship and the Greek City*. Cambridge, 1987 (см. по индексу).

¹⁸ Об аргосской политике Афин в эти годы и о битве при Мантинее подробно см.: Kagan D. *Op. cit.* P. 17—155.

¹⁹ Forrest W. G. *Themistokles and Argos* // *CQ.* 1960. Vol. 10. No. 2. P. 221—241.

пребывании Алкивиада в Аргосе в этот период. Согласно его изложению, Алкивиад, бежав из Великой Греции в Пелопоннес, сразу через элидскую Киллену прибыл в Спарту.

Были у Алкивиада связи и в другом важном пелопоннесском полисе, расположенном еще ближе к Лаконике, — в аркадской Мантинее. Опираясь опять же на личные (вне сомнения, ксенические) контакты, Алкивиад убедил мантинейцев, ранее входивших в состав Пелопоннесского союза, примкнуть к афиноаргосской коалиции и участвовать в военных действиях против Спарты. А затем, уже в 415 г. до н. э. ряд граждан Мантинеи (τῶν Μαντινέων τινές), как и аргивяне, приняли участие в Сицилийской экспедиции афинян. Произошло это также по побуждению Алкивиада (*Thuc.* VI.29.3; 61.5).

Информация становится особенно обильной, как только мы перемещаемся из Пелопоннеса на восточное побережье Эгейского моря. В таком значительном ионийском городе, как Милет, Алкивиад, вне сомнения, имел своих приверженцев. Фукидид (VIII.17.2) сообщает, что он был близок к милетским политическим лидерам (ἐπιτήδειος τοῖς προεστώσι τῶν Μιλησίων). Опираясь на эти связи, в 412 г. до н. э. Алкивиад смог, прибыв со спартанским флотом к берегам Ионии, склонить Милет к восстанию и отпадению от Афинской архэ.

В другом важнейшем ионийском полисе — Эфесе — у Алкивиада тоже были друзья-гостеприимцы, готовые в случае надобности оказать ему всю возможную помощь. Так, в 416 г. до н. э. в Олимпии, где Алкивиад поразил воображение всех присутствующих, единственный раз в истории Олимпийских игр взяв первый, второй и третий призы в наиболее престижном состязании колесниц-четверок²⁰, он выделялся среди прочих участников и зрителей еще и необычайной пышностью своего обихода. В частности, как раз эфесяне привезли ему огромный персидский шатер (*Andoc.* IV.30; *Athen.* XII.543 d). Алкивиаду случалось и бывать в Эфесе по каким-то своим делам, о которых ближе ничего не известно (*Plut.* Alc. 8).

На тех же Олимпийских играх 416 г. до н. э. свое почтение к Алкивиаду поспешили проявить и представители двух крупнейших восточноэгейских островов — Лесбоса и Хиоса. Лесбосцы взяли на себя поставку вина для Алкивиада и ряд других расходов, а хиосцы — жертвенных животных и провиант для лошадей (*Andoc.* loc. cit.). Уже в 412 г. Алкивиад, опираясь на своих приверженцев на Хиосе, убедил остров (остававшийся последним и единственным привилегированным союзником Афин) восстать и выйти из Архэ, что положило начало массовому отпадению других союзных полисов.

Довольно занятным образом судьба Алкивиада оказалась связана с еще одним важнейшим островом этого региона — Самосом. О его ксенических связях с самосской знатью в источниках эксплицитно не сообщается, но они должны были иметь место, коль скоро Алкивиад в 411 г. чувствовал себя на Самосе в буквальном смысле слова “как дома”. Он даже ухитрился прижить там детей, причем отнюдь не с гетерами. Впоследствии несколько самосцев (заметим, ари-

²⁰ Об этом событии см.: *Bowra C. M.* Euripides' Epinician for Alcibiades // *Historia*. 1960. Bd. 9. Ht. 1. S. 68—79.

стократического статуса) возводили свое происхождение к Алкивиаду. Среди них, в частности, был Дурид — тиран острова и видный историк раннеэллинистической эпохи (*Duris*. FGrHist. 76. F70)²¹. В городе Селимбрия, на фракийском берегу Пропонтиды (таким образом, мы перемещаемся уже в район Северной Эгеиды), Алкивиад также имел ксена — некоего Аполлодора²². Следовательно, наш герой не пренебрегал приобретением друзей-гостеприимцев даже в относительно небольших и малозначительных греческих полисах.

Но ксенические связи Алкивиада, как мы увидим, простирались и за пределы греческого мира. Они, например, достигали Фракии. При этом Алкивиад имел в числе своих друзей (φίλοι) таких высокопоставленных фракийцев, как одрисские цари Севт и Медок²³. По сведениям, сообщаемым Диодором (XIII. 105.3), перед роковой для афинян битвой при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) Алкивиад, находившийся в опале и проживавший в качестве частного лица в каком-то укреплении на Херсонесе Фракийском, “пришел к афинянам и сказал им, что фракийские цари Медок и Севт, состоя с ним в дружественных отношениях (εἰσὶν αὐτῷ φίλοι), обещали предоставить в его распоряжение большое войско, если он захочет воевать с лакедемонянами” (пер. С. Я. Лурье). Афинские стратеги, однако, предпочли не допустить опального Алкивиада к новому участию в боевых действиях, опасаясь, что это поможет ему восстановить свою популярность.

В период Пелопоннесской войны наместниками двух ближайших к Элладе сатрапий Ахеменидской державы были две довольно яркие в истории греко-персидских отношений фигуры — Тиссаферн (сатрап Лидии) и Фарнабаз (управлявший Даскилейской сатрапией)²⁴. В то время их карьера только начиналась; насколько можно судить, оба они были амбициозными молодыми вельможами, отнюдь не чуждыми придворной интриге. И с тем и с другим у Алкивиада были довольно оживленные отношения, заслуживающие того, чтобы остановиться на них чуть подробнее.

Историю своеобразной “дружбы” Алкивиада и Тиссаферна передает целый ряд античных авторов, наиболее подробно — Фукидид (VIII.45 sqq.) и Плутарх (Alc. 24 sqq.). Находясь в 412 г. до н. э. в спартанском флоте у берегов Ионии и опасаясь происков лакедемонских властей, Алкивиад бежал ко двору Тиссаферна в Сарды. Там ему за очень короткий срок удалось буквально очаровать сурового перса. Тиссаферн следовал большинству советов Алкивиада, называл его своим другом и даже переименовал в его честь лучший из своих садов. Естественно, эти узы дружбы с Тиссаферном Алкивиад активнейшим образом использовал при своих тайных переговорах с афинянами, имевших целью его возвращение на родину.

²¹ См.: Shipley G. A History of Samos 800—188 B. C. Oxford, 1987. P. 124.

²² Herman G. Op. cit. P. 124.

²³ Об этих царях см.: Виноградов Ю. Г. Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // История Европы. М., 1988. Т. I. С. 382—383.

²⁴ О греко-персидских отношениях этих лет и о роли в них Тиссаферна и Фарнабаза см.: Рунг Э. В. Греко-персидские отношения в конце V — начале IV вв. до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1997.

Уже позже, когда Алкивиад был призван афинским флотом и избран стратегом (411 г. до н. э.), после первых же блестящих побед над спартанцами в Геллеспонте он не отказал себе в удовольствии похвастаться успехами перед своим высокопоставленным персидским другом (*Xen. Hell. I.1.9; Plut. Alc. 27*) и отправился к нему на единственной триере, везя с собой дары гостеприимства (*ξέλια καὶ δῶρα* — еще одно указание на то, что с формальной стороны отношения Алкивиада и Тиссаферна представляли собой ксению). Но на этот раз Тиссаферн встретил Алкивиада более чем холодно и даже заточил его в темницу в Сардах, из которой, впрочем, месяц спустя Алкивиаду удалось бежать, вернувшись на театр военных действий. После описанных событий их контакты, насколько можно судить, оборвались. По прошествии некоторого времени, после новых успешных сражений против лакедемонского флота в Геллеспонте, в ходе которых спартанцев поддерживал даскилейский сатрап Фарнабаз, Алкивиад, заключив перемирие, установил дружественные отношения и с этим последним. “Дружба” с Фарнабазом (по всей видимости, опять же союз гостеприимства) оказалась полезной для Алкивиада после поражения афинян при Эгоспотаммах, когда опальный полководец отдался под покровительство этого сатрапа, был им принят с почетом и получил от него крепость Гриний в Геллеспонтской Фригии (*Нер. Alc. 9*). Впрочем, в конечном счете и эта ксения не принесла Алкивиаду блага: в 404 г. до н. э. Фарнабаз, не желая портить отношений с всемогущим спартанским навархом Лисандром, выполнил его просьбу и подослал к Алкивиаду убийц. Строго говоря, неизвестно, как Тиссаферн и Фарнабаз рассматривали статус Алкивиада по отношению к ним. Может быть (и даже весьма вероятно), что они не считали его равным себе гостем-ксеном, другом, а скорее вассалом. Но сам Алкивиад, о чем говорит отмеченный выше эпизод с “дарами гостеприимства”, понимал эти связи именно как ксенические.

Мы сознательно оставили для отдельного рассмотрения в последнюю очередь (*last but not least*) связи гостеприимства, имевшиеся у Алкивиада в Спарте. В течение всей политической деятельности Алкивиада Афины и Спарта, как известно, вели Пелопоннесскую войну. И тем не менее это не мешало Алкивиаду поддерживать со спартанской знатью ксенические отношения, проявлять близость к ее представителям, и отнюдь не только тогда, когда он оказался в положении перебежчика.

Фукидид (*V.43.2; VI.89.2*) говорит о “старинной проксении” (*ἡ παλαιὰ προξενία*), которую спартанцы имели с семьей Алкивиада и от которой отрекся его дед, а Алкивиад в конце 420-х гг., в период Никиева мира, то есть на самой заре своей политической карьеры, упорно и тщетно пытался возобновить. Ничего не известно о деталях этой проксении, о том, почему она была разорвана и была ли она всё же впоследствии восстановлена. Невозможно даже сказать с твердой уверенностью, была ли это действительно проксения в том ее точном понимании, которое прекрасно известно по памятникам эллинистической эпохи (некое подобие современного консульства). Во всяком случае, не сомненно одно: помимо проксенических отношений, можно говорить и об отношениях собственно ксенических Алкивиада с отдельными спартанцами. Самым известным из спартанских ксенов Алкивиада был Эндий, сын Алкивиада (отметим характер-

ный патронимик), один из виднейших политических деятелей Спарты в конце V в. до н. э. Эндий был эфором в 412 г. и, вероятно, еще раз в 404 г. до н. э.; в этот же период он несколько раз выступал в качестве спартанского посла в Афинах²⁵. Отношения семей Алкивиада и Эндия — типичнейший случай полной ксении, проявившейся, кстати, и в ономастике (достаточно упомянуть хотя бы само имя Алкивиада, которое Фукидид прямо называет “лаконским”). В пору своего пребывания в Спарте²⁶ Алкивиад активно пользовался своей ксенической связью с Эндием, дабы внушать через него спартанской верхушке те планы дальнейших действий, которые казались ему предпочтительными. Кроме Эндия, Алкивиад находился в близких отношениях и еще с одним знатным спартанцем — Халкидеем (*Thuc.* VIII.17.2).

Мы не задавались целью собрать весь имеющийся в источниках материал, относящийся к внешним связям Алкивиада и их роли в его дипломатической деятельности. Нам хотелось избежать сухого перечня фактов и привести лишь наиболее яркие и показательные сведения. Но уже из них, на наш взгляд, можно с большой долей уверенности сделать следующий вывод. В ходе своей небывало интенсивной дипломатической деятельности Алкивиад буквально покрывал греческие полисы и сопредельные государства грандиозной сетью союзов, причем, подчеркнем, союзов исключительно личного характера, замыкавшихся непосредственно на его персоне. Все эти союзы служили не только и, вероятно, даже не столько афинскому полису, сколько самому Алкивиаду, какую бы позицию он в тот или иной конкретный момент ни занимал, где бы ни находился, на чьей бы стороне ни стоял. И союзы эти были зачастую достаточно прочными, коль скоро, например, опираясь на них, Алкивиад смог в кратчайшие сроки добиться отпадения от Афинской архэ целого ряда важнейших ионийских полисов.

Материал, относящийся к дипломатии Алкивиада, позволяет внести новые штрихи в общую оценку личности и деятельности этого политика. Об этой общей оценке в историографии существуют крайне противоречивые суждения. В Алкивиаде видят то “тип эллина классической эпохи со всеми его достоинствами и недостатками”²⁷, то “гениального вождя в слишком маленьком мире”, предтечу эллинистических сверхчеловеков²⁸, то талантливого неудачника, оказавшегося злым гением родины²⁹, то последователя афинских политиков в традициях Фемистокла и Перикла³⁰.

²⁵ Об Эндии и его связях с Алкивиадом см.: *Kebric R. B. Implications of Alcibiades' Relationship with the Ephor Endius // Historia.* 1976. Bd. 25. Ht. 2. S. 249—252; *Куртулов М. Э. Спартанская дипломатическая практика... С. 16.*

²⁶ По поводу пребывания Алкивиада в Спарте см. недавнюю интересную работу: *Vickers M. Alcibiades at Sparta // CQ.* 1995. Vol. 45. No. 2. P. 339 ff.

²⁷ *Babelon J. Op. cit. P. 7.*

²⁸ *Taege F. Op. cit. S. 235—236; cp.: idem. Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart, 1957. S. 162.*

²⁹ *Hatzfeld J. Op. cit. P. 355; cp.: Bloedow E. Alcibiades 'brilliant' or 'intelligent'? // Historia.* 1992. Bd. 41. Ht. 2. P. 139—157.

³⁰ *Ellis W. M. Op. cit. P. XIX.*

На наш взгляд, Алкивиад был последним (и даже анахронистическим) аристократическим лидером в духе доперикловского и даже доклизфеновского времени. В кардинально изменившейся обстановке, в условиях демократического полиса он пытался "играть по старым правилам", использовать традиционные механизмы влияния, характерные для афинской знати архаической эпохи, VII—VI вв. до н. э. Так, он стремился добиться власти посредством богатства и его демонстративных трат, через межродовые связи, путем громадного увеличения своего престижа (этому служило многое — неоднократно исполнявшиеся им литургии, чрезвычайно активное участие в панэллинских играх, да и весь стиль жизни Алкивиада, пышный до экстравагантности).

Именно в традициях архаической аристократии стояла и внешнеполитическая, дипломатическая деятельность Алкивиада. Блестящие аристократы времени архаики (Алкмеон, Мегакл, Писистрат, Мильтиад Старший и др.) во многом основывали свое влияние и внутри полиса, и за его пределами на разветвленной сети внешних (ксенических и матримониальных) связей. Именно это делал и Алкивиад, хотя он, как и в других областях, превосшел здесь всех своих предшественников масштабами и размахом своих предприятий.

Однако эпоха была уже совсем другой. Не связан ли крах всех начинаний Алкивиада (порой действительно гениальных) с тем обстоятельством, что он был своеобразным живым анахронизмом, что он жил как бы в ином историческом времени, нежели вся окружающая его обстановка? Но это могло бы стать предметом отдельного исследования.

И. А. Спивак

ПЕРСЫ И ЭЛЛИНЫ В «АНАБАСИСЕ» КСЕНОФОНТА

Изучение процесса формирования этнического самосознания древних народов затруднительно, во-первых, в силу значительной хронологической продолжительности этого процесса, а во-вторых, из-за имеющихся пробелов в наших источниках. Особо важное место среди последних занимают исторические сочинения: осмысление эллинами роли своего народа в исторических событиях и формирование их этнического самосознания неразделимы.

Принято считать, что этническое самосознание эллинов сформировалось уже в эпоху архаики с закреплением в эллинской культуре дихотомии «эллины — варвары». Период между эпохой архаики и эллинизмом может быть представлен как процесс перевода уже осознанного этнического единства в политическую плоскость. Среди факторов, способствовавших этому, следует выделить, прежде всего, взаимоотношения между эллинами и Персидской державой. В этой связи особый интерес вызывает отражение греко-персидских контактов в исторической литературе Эллады. Точкой отсчета здесь, бесспорно, должно служить сочинение Геродота. Именно «отец истории» впервые изображает разницу между эллинами и персами столь масштабно, что возника-